

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Г.И. Газданов и Ф.Д. Ламзаки

Читали ли вы русского писателя Гайто Газданова? Его первый роман «Вечер у Клэр», вышедший в 1929 году, был высоко оценен И. Буниным и М. Горьким.

Родившийся 6 декабря 1903 года в Петербурге Георгий Иванович (Гæздæнты Иваны фырт Гайто – *осетинск.*) в 1919 году, в неполные 16 лет, присоединился к Добровольческому движению П.Н. Врангеля, как говорил позднее, чтобы «узнать, что такое война», и вместе с «добровольцами» покинул страну.

Вместе с отступающей Белой армией он оказался в Крыму, а в 1920 г. пароходом уплыл в Турцию, около года находился в Константинополе и в Галлиполи.

Не любивший насилия, он не был отмечен боевыми наградами, но эпитет «героический» неизменно сопровождал его имя и не был оспорен даже недоброжелателями. Он писал: «Мы были побеждены революцией и жизнью. Мы голодали. Однажды я проглотил кусок терпкой галлиполийской глины и вот до сих пор этот комок, прорастающий в моем сердце, давит на меня грузом

Из ранних фотографий Гайто Газданова

Аврора Газданова

желтого отчаяния, голода и тяжелой памяти о земле, где я родился жить».

Уже в Константинополе он написал свой первый рассказ («Гостиница грядущего», 1922). В болгарском городе Шумене, куда он попал в результате случайной встречи в Константинополе с двоюродной сестрой, известной в Европе балериной Авророй Газдановой, первой балериной

Осетии, он окончил местную русскую гимназию, переехавшую в 1921 году в этот город.

В 1923 году наш герой переехал в Париж. Работал грузчиком, мойщиком паровозов, слесарем на автозаводе, преподавал французский и русский языки. Временами, не находя работы, жил, как клошар, ночевал на улице. Затем четыре года учился на историко-филологическом факультете Сорбонны, изучал историю литературы, социологию, экономику. Долгие годы (1928-1952), уже будучи известным писателем, был вынужден работать ночным таксистом.

В романе «Ночные дороги», вышедшем в 1941 году, нашло отражение близкое знакомство Газданова с парижским дном.

Очутившись в декабре 1923 года в Париже, Гайто и не подозревал, что попал в город всей своей жизни. Он не знал, что через несколько лет совсем избавится от русского акцента в своей французской речи. Париж поначалу отчего-то показался ему похожим на труп, который нельзя любить, но необходимо хорошо знать, если хочешь стать профессионалом. Он хотел писать. За этим сюда и приехал.

Первые два года Гайто почти ничего не писал, точнее, не записывал, но постоянно сочинял. Ему хотелось сесть за письменный стол и избавиться от воспоминаний. После того как он увидел напечатанными некоторые свои непри-

думанные истории, потребность в продолжении творчества возобновилась с необычайной силой.

«Писатель-романист», – писали о Газданове в 1967 году, когда его имя впервые появилось в советской печати. До 1996 года, которым датируется его собрание сочинений, прошло почти тридцать лет. Некоторые критики писали, что Газданов написал ряд блестящих романов, десятки рассказов, но, подобно А.С. Грибоедову, остался в истории литературы автором одного бессмертного произведения – «Вечер у Клэр».

Он никогда не вел дневников, но его романы изобилуют воспоминаниями. Литература о творчестве Газданова оказалась неожиданно обширной. Литературная критика эмиграции нарекла его «русским Прустом», выделяя творчество писателя как наиболее удачный пример интеграции в европейскую культуру.

Да с кем только из числа современных ему европейских писателей ни сравнивали его отдельные критики, подчас знакомые лишь с переводами его романов, – и, конечно же, с В.В. Набоковым, и даже с И.А. Буниным... Сам Газданов всю жизнь считал себя исключительно русским писателем во всех смыслах этого слова.

Первая серьезная монография, с которой началось исследование творчества Газданова и в которой обозначены его самые главные жизненные вехи, была написана американским славистом Ласло Диенешем в начале 1980-х годов.

С тех пор обнаружилось много новых фактов, приоткрывших неведомые ранее страницы жизни писателя, стала доступна часть документов из литературного и личного архива Газданова и записей близких ему людей, в серии «ЖЗЛ» вышла необычайно содержательная книга Ольги Орловой, сняты документальные фильмы.

Так поэт ли Газданов? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал сам Гайто Иванович: «Я не так давно серьезно открыл для себя поэзию, и могу сказать, что она во многом сделала меня тем, кто я есть сейчас».

Но и это еще не все... Как оказалось, поэтическое творчество в его традиционном понимании было ему отнюдь не чуждо.

* * *

Кому я нужен? Есть ли та,
Что ждет меня в свои объятия?
О, как же жизнь моя пуста!
И пустотой желаю стать я.

Уйти бесследно, не прощаясь,
Без слов, без вздохов, без нытья.
Минуло все. Все исчерпалось,
Все стало прахом бытия.

Молю тебя – великий Боже!
Дай мне терпенья, смелости и сил.
И лишь тогда, наверное, быть может,
Я участи такой бы не просил...

* * *

Солнце пламенным гигантом
Восседает в небесах.
Миллиарды лет тираном,
Всем оно внушает страх.

Солнце, гневом изнывая,
Адский жар на землю льет.
И о холоде мечтая,
Тварь земная в тень бредет.

Солнце страстно ненавидит
Землю и ее черты.
Презирает жизни виды –
Проявленья суеты.

На планетах люди, звери
Прахом на земле лежат.
Все пейзажи скучно серы –
А затем в огнях горят!

Лишь один из своры нищей
Жизнь отдать свою решил.
Надоело быть лишь пищей
Для прожорливых светил.

Смело он вознесся к свету,
Сердце вынул из груди.
Холод преподнес он небу,
Ад подлунный остудил.

Все забыли о герое,
Мир давно ушел во тьму.
Все забыли свет и горе,
Все похоже на тюрьму.

* * *

Да я, наверно, местная элита –
Меня сопровождает птичья свита
И ублажает мой капризный слух,
И поднимает мой упавший дух,

И холит, нежит лучшую из маний –
Писать стихи, и шлейф воспоминаний
За мной несет весенний ветерок
По месиву подтаявших дорог.

В середине 20-х годов важнейшим центром русской эмиграции была Прага, поэтому не было ничего удивительного в том, что для русских студентов, учившихся в Пражском университете – начинавших литературную деятельность, появился журнал «Своими путями». Первый раз Гайто послал в этот журнал сразу несколько рассказов. «Гостиницу грядущего» напечатали очень быстро. Следующей публикации пришлось ждать ровно год. Несколько рассказов попали в руки к заведующему литературным отделом журнала «Воля России» Марку Слониму (у этих двух изданий были общие сотрудники). В «Воле России» печатались

Марина Цветаева, Андрей Белый, Борис Зайцев и многие другие. В 1927 году там была опубликована «Повесть о трех неудачах» Газданова, которая вопреки своему названию стала подлинной удачей для молодого автора: она стояла в номере вслед за замытинским романом «Мы» и стихами Бориса Пастернака. Дату этой публикации Гайто отмечал как день рождения Газданова-писателя. С этого момента его имя в журнале стало появляться не реже, чем раз в полгода.

К середине 1920-х годов в Париже образовалось много русских литературных сообществ. В объединении «Кочевье», главной из задач которого было понять и угадать «значение и назначение» эмигрантских писателей, часто выступали писатели, критики и поэты. Именно здесь произошло обсуждение романов Газданова «Вечер у Клэр» и «Алексей Шувалов». Особенно тепло отзывался о них русский писатель, журналист, эссеист, один из деятельных и активных масонов русской эмиграции во Франции Михаил Осоргин, который высоко оценил оригинальный стиль и превосходный русский язык молодого автора. Внимание Осоргина к Газданову – внимание подлинное, без поверхностного покровительства, основанное на душевной близости и понимании, сыграло важную роль в становлении писателя. Неоценимую благожелательность встретил Гайто со стороны человека, чьи грани жизни и характера узнавал на протяжении десяти с лишним лет знакомства. И именно Осоргин рекомендовал Максиму Горькому издать «Вечер у Клэр» в России, а впоследствии способствовал вступлению Гайто в масонскую ложу, что дало писателю возможность общаться с высшим слоем интеллигенции. В ложе он занимал ряд должностей, а в 1961 г. стал ее «досточтимым магистром».

Он посещал и воскресное литературно-философское общество «Зеленая лампа», созданное в 1927 году в Париже и собиравшееся, как правило, в доме Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.

Марк Слоним писал в «Воле России»: «У Газданова литературные и изобразительные недюжинные способности, он один из самых ярких писателей, выдвинувшихся в эмиграции». «Как и у Пруста, у молодого русского писателя главное место действия не тот или иной город, не та или иная комната, а душа автора,

память его, пытающаяся разыскать в прошлом все, что привело к настоящему, делающая по дороге открытия и сопоставления, достаточно горестные», – писал еще один русский эмигрант – поэт, переводчик и издатель Николай Оцуп в «Числах», первом аполитичном журнале Парижа. Гайто отмечал, что все минусы, которые не уставали отмечать наиболее агрессивно настроенные критики, в его глазах представлялись безусловными плюсами. Может, именно отсутствие политики в романе и было главной причиной такой разницы оценок?

В условиях затянувшейся эмиграции серьезная политическая окраска творчества казалась ему неуместной. Он признавал лишь одно разделение книг – на интересные и скучные. А каково происхождение автора и в какой национальной традиции он работает, казались ему вопросами совершенно неважными. Он был неравнодушен к хорошему, даже изысканному переплету, и всегда предпочитал покупать издания самого лучшего качества. Самое главное, что «Числа» объемом 250-300 страниц открыли доступ тем, кто после закрытия альманаха «Воля России» (существовал за счет пожертвований, вышло всего 10 номеров) лишился возможности печататься.

В 1931 году на одном из литературных собраний Газданов знакомится с Иваном Алексеевичем Буниным. Тогда же подруга Бунина Галина Кузнецова записала в своем дневнике мнение писателя о Гайто: «Познакомился с Газдановым. Сказал о нем, что он произвел на него самое острое и шустрое,

Перед началом Второй мировой

Г.И. Газданов. Фотографии разных лет

самоуверенное и дерзкое впечатление. Дал в «Современные записки» (литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 г. – Л. А.) рассказ, который написан «совсем просто». Открыл в этом году истину, догадался, что надо писать «совсем просто».

Эта встреча совпала с еще одним очень важным событием – Газданов стал печататься в «Современных записках». Там вышли восемь его рассказов, роман «История одного путешествия», началась публикация романа «Ночные дороги».

Нельзя сказать, что парижская жизнь не баловала Гайто любовными успехами. Это отмечали даже его недоброжелатели. Как заметил по этому поводу писатель и критик, ядовитый Василий Яновский: «Газданов, маленького роста, со следами азиатской оспы на уродливом большом лице, широкоплечий, с короткой шеей, похожий на безрогого буйвола, все же пользовался успехом у дам».

Тем не менее взаимность, которая носила по большей части внешний характер, не избавила его ни от одиночества, ни от тревоги, знакомых каждому, не испытавшему подлинную взаимность чувств. Человеку же,

ее драматически потерявшему, как это случилось в жизни Гайто несколькими годами ранее, когда на его руках трагически ушла из жизни молодая женщина, с которой он было связал свою судьбу, избавиться от гнетущей тоски было еще сложнее. Об этом он написал впоследствии в романе «Ночные дороги».

В августе 1936 года в Болье, на Лазурном Берегу, Гайто увидел на горизонте плывущего человека. Он не мог различить, мужчина это или женщина, но подивился смелости пловца, бывшего от берега на расстоянии более полукилометра. Он еще не знал, чем станет в его жизни этот человек и что произойдет дальше. Так начинался роман, который продлился тридцать пять лет.

Сначала Гайто пытался найти в женщине, назвавшейся Фаиной Дмитриевной, черты Клэр, поскольку ироничностью и смелостью она часто напоминала ему давнюю юношескую любовь. Но потом отбросил всякие попытки сравнения, поняв, что они бессмысленны. И Гайто не хотелось сопоставлять Фаину ни с теми, кого он знал в реальности, ни с теми, чьи образы он носил в своем воображении.

Фаина Дмитриевна Ламзаки* (в первом браке Гавришева) родилась 7 мая 1892 г. в Одессе. Официоз гласит: медицинская сестра, предприниматель. Жена Г. Газданова. Окончила Одесское женское коммерческое училище. Позже окончила курсы сестер милосердия при Александровской общине в Петрограде. Участница мировой войны, работала в лазарете. Награждена Георгиевским крестом. В эмиграции жила в Индии, затем переехала

* В Лиманском районе Одесской области есть маленькое село Великие Ламзаки. Да и фамилия эта в Одессе встречается нередко. Здание по ул. Конной, 12, идентифицируется как «доходный дом К.Н. Ламзаки».

Фаина Ламзаки в годы Первой мировой войны

Здание училища – ныне школа № 107.
Ул. Толстого, 30

во Францию. Была совладелицей сельскохозяйственной фермы в Болье-сюр-Мер (департамент Приморские Альпы).

Оказывается, в 1913 году в Одессе, на углу Каретного переулка и улицы Карангозова (ранее – Гулевая, позже – Толстого), по проекту архитектора Э.Я. Меснера и инженера Х.Я. Скведера было построено здание для женского коммерческого училища Кефера и Ферстера. До сих пор на балконе второго этажа здания можно увидеть надпись «Скведеръ». Училище было создано в 1908 году Южнорусским немецким обществом и представляло собой среднее специальное учебное заведение, куда принимались девочки всех сословий и вероисповеданий, однако дети членов Южнорусского немецкого общества имели преимущество при приеме. Срок обучения составлял восемь лет, а программа включала изучение русского, фран-

цузского и немецкого языков, истории, географии, математики, естествознания, физики, химии, коммерческой бухгалтерии и корреспонденции на русском и иностранных языках, основ политической экономии, торгового и промышленного законовещения, коммерческой географии, чистописания, рисования, рукоделия, стенографии, машинописи и танцев.

Матерью Фаины Дмитриевны была Клавдия Колчак. Неясно, была ли она родственницей адмирала, отец которого генерал

В.А. Колчак и мать О.И. Посохова были урожденными одесситами, – количество одесских Колчаков (и Кольчаков) необычайно велико.

У ее отца Дмитрия Ламзаки была довольно крупная лавка колониальных товаров в Одессе, он уже собирался расширять торговлю и присматривал наиболее удобное место еще для одной лавки, как грянула революция, заставившая семью тронуться с места. Во Францию Ламзаки попали не сразу. Они были среди тех выходцев из России, кто добирался до Европы через Восток. Несколько лет отец Фаины торговал в Индии. А потом, чутко уловив ситуацию, предложил семейству перебраться во Францию, на Юг, где его дальний родственник держал куриную ферму. Больше всего эта идея пришлась по душе тогдашнему мужу Фаины – Алексею Гавришеву: он слышал, что, если разработать свою систему игры в рулетку в Монте-Карло, можно в один вечер стать миллионером.

Миллионером он не стал. И Фаина, еще несколько лет терпевшая Гавришева возле себя, потом, откупившись небольшой суммой, развелась с ним.

Ко времени встречи с Газдановым Фаина уже похоронила родителей и стала совладелицей фермы. Болье-сюр-Мер она присмотрела давно и приезжала сюда отдыхать, когда могла позволить себе передышку. Из близких родных у нее оставались только сестра и племянницы в Варшаве. Родственник отца и основной владелец фермы был глубокий старик, дети его давно уехали в Аргентину, и никто из них не собирался возвращаться. Фаина хорошо освоила хозяйство, прилично знала французский и английский языки.

Но парижские литературные баталии были от нее далеки, она принадлежала совсем другому слою общества, который Гайто не слишком хорошо знал. Впрочем, и его мама в годы Гражданской войны пыталась при помощи торговли спасти их от голода и дать возможность сыну спокойно учиться в гимназии, не думая о зарботке.

Живописные подробности в описаниях этого периода газдановской биографии поражают, но их хочется обильно цитировать... Биографы уверенно утверждают, что вечером в день знакомства Гайто дал Фаине последний том «Современных записок»,

где была его статья «О молодой эмигрантской литературе». На следующее утро, когда они лежали на берегу, Фаина смотрела на него пытливо и, как ему показалось, с большим уважением и серьезностью.

Короткий отпуск кончался. Надо было возвращаться в Париж. Приятели не мешали Гайто. Увидев зарождающийся роман, они нашли себе занятия – ездили в Ниццу, как-то раз отправились в Монте-Карло. Гайто туда не тянуло: еще по собственному юношескому опыту он знал, что азартная игра – это всегда проигрыш.

Общение с Фаиной настолько захватило Гайто, что он посвящал ей все свое время. Они гуляли по окрестностям, взбирались на невысокие холмы, ездили на курорт Кап-Ферра, бывали вдвоем в Ницце, а в порту Вильфранж наблюдали за отплывающими кораблями. Потом, взяв удочки у хозяина гостиницы, наловили рыбы, которую им приготовили на кухне в ресторане гостиницы. В Антибе поднялись к маяку и долго смотрели на неподвижное безветренное море и линию фонарей, освещавших длинную извивающуюся прибрежную дорогу.

Стрекотали цикады, аромат южных цветов и выжженной на солнце травы наполнял воздух, и его можно было пить и пить, он опьянял, и лишь легкий бриз освежал на мгновение голову. Гайто казалось, что вот он и вернулся на родину, и, обнимая за теплые плечи Фаину, вдыхая запах ее волос, он чувствовал умиротворенность... Уезжать не хотелось...

Теперь он вспоминал, как за год до своей поездки на Юг он с воодушевлением писал матери о возникновении новых радостных предчувствий, захвативших его. И встреча с возлюбленной, которую он прочил себе в жены, и надежда на свидание с матерью, и воображаемое знакомство этих самых дорогих для него женщин... (Цитирую биографов. – Л. А.)

Лишь теперь исполнилось желание матери, которая писала ему: «Все время ты окружен женщинами, и все как-то бестолково. Теперь надо начать новую красивую жизнь и помнить, что у тебя жизнь не должна проходить вне искусства». Если бы мать сейчас была здесь, на Лазурном Берегу, она бы поняла, что Всевышний услышал ее молитвы. Хотя вряд ли она смогла бы представить именно такую женщину рядом с сыном. Правда, Гайто, как выяс-

нилось, не смог бы ее порадовать перспективой появления внуков. Он написал матери все как есть.

Последний вечер они провели четвергом. Хозяин приготовил им великолепный ужин из рыбы и морских моллюсков, они пили прекрасное вино из хозяйского погреба, наслаждаясь беззаботной беседой и делясь впечатлениями. Перед ужином Гайто с Фаиной в последний раз прошлись вдоль берега моря. Они обо всем договорились. Фаина Дмитриевна продаст свою часть фермы и приедет в Париж. Приедет, как только позволят дела...

Внешне они были слишком разные. Фаина была крупной, чрезвычайно веселой, умной и жизнерадостной женщиной, которая твердо стояла на земле. У нее было важнейшее качество – она умела создавать...

Фаина с детства была приучена к труду, помогая и отцу в торговле, и матери, присматривая за младшей сестрой. Перед Первой мировой войной она вышла замуж за упомянутого поручика Гавришева, бездельника и приживалу, который тут же вышел в отставку. Кроме карт, вряд ли его что-либо еще интересовало. Внешне он был молодцеватым и представительным, что и привлекало Фаину. Однако вскоре она обнаружила за внешним блеском молодого офицера пустоту и скардность. Она с детства приохотилась к чтению, хорошо знала не только русскую классику, но и современную литературу, хватаясь за книжку всякую свободную минуту. Ее мужа, кроме спортивных сводок, светской и криминальной хроники в газетах, ничего не привлекало. Таких имен, как Александр Блок или Валерий Брюсов, он просто не слышал, хотя прочитал однажды «Поединок» Александра Куприна и жутко ругался, громогласно заявляя, что попадись ему этот щелкопер, он его тут же вызовет на дуэль. Но Куприн, к счастью, ему не попался...

Фаина переехала к Гайто осенью 1936-го. Семейный образ жизни внес в ежедневный распорядок некоторые коррективы, но незначительные: Фаина Дмитриевна никогда не вмешивалась в литературно-общественные дела Гайто, тем более в масонские. Главную свою задачу она видела в упорядочении быта и создании семейного уюта. Она была на одиннадцать лет старше мужа, и в ее отношении к Гайто сквозили, несомненно, и материнские

чувства. Гайто дал ей прочитать письма Веры Николаевны, и Фаина Дмитриевна из них поняла, насколько внутренне одиноким, а иногда и совсем незащищенным чувствовал себя ее муж, внешне всегда такой уверенный, даже самоуверенный, гордый и независимый.

Он постоянно был собран, постоянно начеку, и только там, на Юге, как она поняла, он был полностью раскрепощен, свободен, как мальчишка, который играл роль взрослого. Она рядом с ним ощущала себя помолодевшей лет на десять.

Приходя с работы часов в пять утра, Гайто поначалу старался не будить жену, но Фаина Дмитриевна быстро приспособилась к его режиму. Ей было не привыкать после фермы вставать рано утром: крестьянский труд всегда начинается с первыми петухами. Так что утром Гайто ждал дома ранний завтрак. Потом он спал часов пять-шесть, после чего мог садиться за работу или гулять с женой по Парижу, показывая ей свои любимые места.

Они поднимались на Монмартр, бродили среди выставленных картин, в толпе художников и туристов, заходили в белоснежную мраморную базилику Сакре-Кер, где в любое время суток можно было увидеть многих молящихся.

Стоя на верхних ступенях широкой лестницы, которая вела к торговым улицам, они могли видеть почти весь город – его мосты, дворцы, разноцветные крыши домов, Эйфелеву башню в легкой дымке, соборы, вокзалы, зеленые массивы парков. Иногда они просто шли по улицам куда глаза глядят, часто выходили к Сене и стояли у перил набережной. И он рассказывал ей о столице то, что она не узнала бы ни в одном туристическом справочнике, – он рассказывал ей свою жизнь в этом городе...

В Париже о переменах в своей личной жизни Гайто никого не оповещал – они с Фаиной решили обойтись без свадьбы и регистрации. Забавно, но уже после двух-трех лет семейной жизни Газданов получил несколько писем от Александра Павловича Бурова, одного из самых состоятельных писателей русского зарубежья (знающие люди сообщили Гайто, что «Числа» издавались в основном на его деньги). Бурову чем-то приглянулся Газданов, и он написал, что если тот не женат, то ему следует приехать в Амстердам, он его здесь познакомит с очень приятной девушкой

из богатой русской семьи... Имевший уже трехлетний семейный стаж Гайто ответил Бурову с иронией: «Дорогой Александр Павлович, искренне благодарен за Ваши заботы о моем будущем и за Ваши матримониальные проекты. Увы, они неосуществимы по той хотя бы причине, что я женат (на женщине без денег, конечно)».

Действительно, материальное положение Гайто после женитьбы не особенно изменилось. Однако в остальном появление Фаины сказалось чрезвычайно благотворно. Она словно следовала завету его матери, писавшей Гайто: «Ты постепенно хочешь зарыть свой талант в землю. Но если ты будешь около меня, я, пока жива, буду всемерно содействовать тому, чтобы ты писал. В этом вся жизнь. Нельзя жить обывателем – это неинтересно».

Фаина была человеком практического ума. Убедившись в том, что Гайто тратит непозволительное количество времени на возвращение домой из гаража, куда полагалось сдавать после смены автомобиль, решила переменить место жительства. Это позволило Гайто не только экономить пару часов в сутки, но и сберечь физические силы. Вскоре она нашла небольшую трехкомнатную квартиру на улице Брансьон в пятнадцатом округе Парижа, куда они переселились в начале октября. Погода в это время в Париже обычно неустойчивая: то моросит нудный мелкий дождь, то вдруг проглядывает солнце и становится так жарко, что пар поднимается от тротуарных плит, то вновь набегают тучи. Словом, зима еще и не начиналась, а Газдановы вновь задумались о летних путешествиях. Гайто рассказывал Фаине о детской мечте – проплыть Индийский океан: «К сожалению, сейчас мои планы стали скромнее». «Это поправимо», – улыbnулась Фаина в ответ и поведала ему историю о том, как к ним в Индию, где она прожила с родителями несколько лет, приплыл молодой человек из Европы, притом без всяких затрат. Так неожиданно родился один из лучших рассказов Газданова «Бомбей». Впрочем, глядя на Фаину, Гайто не раз задумывался, что, если бы лучшие картины и встречи были предсказуемы, жизнь была бы невероятно скучна, и потому все самое ценное настагает нас случайно. На этом и был построен «Бомбей».

Вторая мировая война застала чету Газдановых на юге Франции. Париж был охвачен паникой, многие состоятельные люди

спешно покидали город, большинство русских издательств, газет и журналов прекратило работу. Газданов всегда был убежден, что отпор фашизму – долг каждого здравомыслящего человека. Еще до оккупации он без колебаний подписал декларацию верности Французской Республике, которая в случае необходимости обязывала всех иностранцев защищать страну. Гайто мог не подписывать этот документ, так как апатриды, отслужившие на родине, от призыва освобождались. Антифашисты Франции в кратчайший срок организовали Сопротивление, в которое в 1943 году влились тысячи военнопленных, бежавших из концлагерей. Газдановы стали активными участниками Сопротивления в партизанской группе «Русский патриот», в которой были и бежавшие из плена солдаты Красной армии. Гайто был восхищен новым для него поколением русских людей.

Вместе с женой они провели важнейшую большую гуманитарную работу. Они крестили еврейских детей, чтобы те избежали депортации. И очень многие еврейские семьи перед депортацией оставляли Газданову свои сбережения в виде золота. Они ему доверяли. И по возвращении находили все свои сбережения нетронутыми.

Гайто встречался со многими участниками боевых действий. Он первым вывел в литературе образ партизана Василия Порика, который получил звание Героя Советского Союза спустя 25 лет после того, как Газданов о нем написал.

Газданов редактировал подпольную газету, которую издавали бежавшие пленные. Свое вступление в подпольную группу, описанное как «эпизод с приятелем», Гайто подробно воссоздал в документальной повести.

Чаще других среди «эмигрантских дам», сопровождавших партизан в безопасные места, Газданов наблюдал собственную жену, пораженный ее неизменным бесстрашием, с которым она отправлялась в очередное сопровождение. Такая жизнь, полная волнений и опасностей, продолжалась вплоть до лета 1944-го, когда Франция снова задышала воздухом свободы.

Никогда и нигде Газдановы не будут козырять своею ролью в партизанской группе «Русский патриот», считая ее скромной и незначительной. И это несмотря на то, что, по словам Марка

Алданова, «риск, которому подвергались участники «Резистанс», даже действовавшие на второстепенных постах, был, конечно, много страшнее риска офицеров и солдат на войне».

Сразу же после войны в издательстве братьев Люмьер вышла книга Газданова «На французской земле», в которой были такие слова: «Никакие другие люди не могли бы их заменить. Любое другое государство не могло выдержать испытание, которое выпало на долю России».

В молодости смерть не казалась нашему герою худшим исходом событий. Она манила, завораживала, даже вдохновляла. Было что-то спортивное в попытке обмануть свою смерть, разгадать ее тайну, не поддаться ей. И действительно, он верил в то, что смерть преобразует ощутивших ее дыхание, вступивших в спор с нею на равных, а безобразная мутная пленка на глазах, серый цвет, которым незаметно покрывается лицо, прерывистое дыхание, бульканье и хрипение, вырывающиеся из груди, – все это лишь тем, кто сдался. У них не хватило сил заглянуть в небытие и отпрянуть, почувствовав себя обладателем ценнейшего знания – может быть, самого главного из того, что человеку суждено узнать.

И вот теперь, когда обстоятельства складывались похожим образом, и рядом с ним была опять только одна женщина, которую может огорчить его смерть, его Фаина, – теперь Гайто удивлялся своей юношеской наивности. Смерть потеряла в его глазах былую привлекательность, противостояние ей перестало быть источником вдохновения, и он впервые осознал, что, несмотря на внешнее отличие от монпарнасской богемы, на самом деле поддался юношескому соблазну очарования гибелью. Такое могли себе позволить лишь те, кто был от нее по-настоящему далек. Тем же, кто с ней заигрывал, смерть не прощала подобного высокомерия. Это неудивительно, если вспомнить трюк, который он сам не раз проделывал в детстве: вставал на руки на перилах балкона, рискуя в любой момент сорваться с огромной высоты...

Была ли Фаина его музой? Стала ли прообразом какой-нибудь героини его текстов? Разве что героиней эпистолярного творчества Газданова. Но ее преданность и верность, постоянная самоотверженная забота, безусловно, в решающей степени

Г.И. Газданов и Ф.Д. Газданова-Ламзаки после войны

способствовали расцвету его литературного творчества, максимальной реализации его большого таланта. После войны один за другим вышли два романа – «Призрак Александра Вольфа» и «Возвращение Будды». Именно они позволили критикам сравнить автора с Альбером Камю, Жюльеном Грином, Марселем Прустом, Марио Сольдати, Францем Кафкой.

В начале 1950-х годов к нему приходит мировая известность. «Возвращение Будды» публикуется в Англии и США, появляются французский, итальянский и немецкий переводы «Призрака Александра Вольфа». На этой волне из Америки приходит приглашение работать в издательстве имени А.П. Чехова, но Нью-Йорк, который Газданов посетил несколько раз, ему не понравился. Он понял, что не сможет вновь пройти мучительный путь эмигранта. По возвращении в Париж Георгий Иванович получает приглашение стать сотрудником нового радио «Свободная Европа», впоследствии ставшего радио «Свобода». Фаина Дмитриевна настаивала на том, чтобы Гайто согласился и смог наконец оставить тяжелую работу таксиста.

Количественный итог творчества Газданова – девять романов, тридцать семь рассказов, книги очерков «На французской земле», а также десятки литературно-критических эссе и рецензий. Архив Газданова, хранящийся в Хотонской библиотеке Гар-

вардского университета, составляет около двухсот единиц хранения, большая часть – варианты опубликованных рукописей. Не удалось узнать места хранения обширной переписки с близкими, которая также попала в печать.

Много писали о кинематографичности его сюжетов, однако попытка экранизации «Призрака Александра Вольфа», предпринятая в США, вызвала крайнее недовольство писателя, в резкой форме заявившего, что ничего эти американцы о нас, русских, не понимают...

Газдановы не были на Юге с начала оккупации, когда жизненные обстоятельства и денежные средства не позволяли совершать подобные поездки. И вот семь лет спустя, сойдя с поезда на знакомом вокзале и услышав шум прибрежных волн, Гайто почувствовал, как сильно он соскучился по этим местам, по вечерним прогулкам, по длительным заплывам вдоль берега.

Он почти никогда не описывал Лазурный Берег в своих книгах, лишь упоминал его как место действия. Отправились они туда с большой компанией, Гайто развлекал сына друзей гимнастическими упражнениями – ходил по песку на руках. Он учил мальчика плавать вдоль побережья разными стилями – брассом, кролем. Фаина заплывала так далеко, что превращалась в маленькую точку. Когда кто-нибудь из близких принимался ее укорять за долгое отсутствие, отшучивалась: «Ну что вы! Я в воде, как пробка». Вечером всей компанией выбирались на прогулки. Вели долгие разговоры о буддизме. Особенно живописно вспоминала Индию и ее удивительные обычаи Фаина, прожившая там несколько лет.

На Французской Ривьере все давно было знакомо, исхожено. И с появлением достатка Гайто с Фаиной стали ездить в Венецию, в Италию, в ту самую страну, о которой, незабвенный и высоко чтимый нашим героем Осоргин написал поэтическую книгу «Там, где был счастлив».

Летом 1953 года Фаина и Гайто стали готовиться к переезду в Мюнхен, где находилось радио «Свобода». Они теперь зарегистрировали свой брак, начали оформление документов и поиск нового жилья. В следующем, 1954 году, радиостанция собиралась выйти на круглосуточное вещание. Работа обещала быть напряженной, и нужно было все подготовить заранее. После переезда, в Мюнхене, писатель работал под псевдонимом Георгий Черкасов и прошел путь от автора-редактора до главного редактора русской службы.

Послесловие

Гайто Газданов скончался от рака легких 5 декабря 1971 года в Мюнхене накануне своего 68-летия. Его отпевали в русской церкви и предали земле на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем (могила № 8112).

Через три года, в 1974-м, в Москве сын Леонида Андреева писатель Вадим Андреев выпустит книгу, посвященную временам своей эмигрантской юности. Отдавая дань памяти друга, он называет ее, как и известный роман Газданова, «История одного путешествия».

Через 11 лет, в 1982 году, в могилу Газданова опустят гроб с телом его вдовы Фаины Ламзаки.

Через 19 лет, в 1990 году, родственница Татьяны Пашковой, послужившей прообразом Клэр, купит в парижском магазине первое издание «Вечера у Клэр». Букинист будет долго отговаривать ее от покупки: «Не стоит тратить на нее таких денег. 300 франков – это большая сумма. Ведь это великий писатель. Поверьте, вскоре его книги будут продаваться в России свободно». И он оказался прав.

Через 25 лет после смерти Гайто, в 1996-м, в Москве вышло пятитомное собрание сочинений Газданова, а через 30 лет со дня

Памятник Г.И. Газданову на его могиле. Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа
Автор – его соотечественник скульптор Владимир Соскиев

его смерти, в 2001 году, у могилы писателя собрались почитатели его таланта из Парижа, Москвы, Петербурга, Владикавказа. Они приехали почтить память автора необычайно талантливых и проникновенных рассказов и романов и установили надгробие на могиле человека, который прожил нелегкую и во многом странную жизнь без зримых подвигов, но чье имя неизменно сопровождает меткий эпитет – героический Гайто Газданов.

В декабре года нынешнего со дня его ухода исполнится полвека.

